

Гл. IV. Мир реальных и мнимых связей

Вводя представление о социальных куматоидах и эстафетах, мы фактически решаем проблему способа бытия широкого класса социальных явлений, включая семиотические объекты. Мы решаем проблему Фердинанда де Соссюра и разгадываем загадку Чеширского Кота. Знаменитая его улыбка – это просто «волна», которая бежит, пересаживаясь с одного материала на другой, не идентифицируя себя ни с какой определенной субстанцией. Одна из главных задач этой главы – объяснить морфологический парадокс.

Ф. де Соссюр и А. Эйнштейн

(Рискованные аналогии)

Попробуем продолжить наши аналогии с физикой. Речь, разумеется, не идет о доказательстве или обосновании изложенных представлений. Однако аналогии такого рода имеют несомненную эвристическую ценность и позволяют взглянуть на обсуждаемую проблему с более общей точки зрения. Дело в том, что на уровне принципиальных категориальных представлений некоторые концепции физики очень напоминают гуманитарную науку. Здесь в ряде случаев наблюдается явный категориальный изоморфизм. Сопоставим на этом уровне излагаемую концепцию с общей теорией относительности Эйнштейна. Мы не претендуем при этом, разумеется, ни на аналогичную значимость, ни на аналогичный уровень разработки нашей концепции. Но теория Эйнштейна, как нам представляется, помогает понять с общих позиций как саму проблему способа бытия в гуманитарных науках, так и предложенное ее решение.

А. Эйнштейн, излагая общую теорию относительности, писал: «Поле тяготения обладает одним в высшей степени замечательным свойством, имеющим фундаментальное значение для дальнейшего. Тела, которые движутся исключительно под действием поля тяжести, испытывают ускорение, *не зависящее ни от материала, ни от физического состояния тела*»¹. И действительно, странно. Мы привыкли, что свойства окружающих нас вещей зависят от того, из чего они сделаны, и если, например, сахар сладкий, а соль соленая, то это объясняется разным химическим составом. И вот оказывается, что характер материала никак не влияет на ускорение тела в поле тяжести. Это может быть газ, жидкость или твердое тело, они могут иметь разный химический состав, представлять собой кусок плазмы и т.д. Разве это не та же самая ситуация отсутствия субстанции, с которой мы сталкиваемся в гуманитарных науках и о которой писал Фердинанд де Соссюр? Вспомним примеры, которые мы уже приводили. Возьмем ректора какого-либо университета или президента США. Очевидно, что каждый из них обладает определенными характеристиками, которые нельзя объяснить ни анатомическими, ни физиологическими их особенностями. Эти характеристики остаются инвариантными при замене одного ректора или президента другим. Можно сказать, что Соссюр и Эйнштейн не

¹ Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. Т.1. М., 1965. С. 562

только пережили сходные интеллектуальные трагедии, они столкнулись и с аналогичными проблемами.

Интересно, что объяснение явлений такого типа и физика и социальные науки ищут сходным путем. Общая теория относительности объясняет гравитацию кривизной пространства-времени, тем, что геометрия реального пространства-времени – это геометрия не Евклида, а Римана. Социолог скажет, что ректор или президент – это люди, занимающие определенные места в социальном «пространстве», и именно социальное «пространство» определяет их характеристики. Тут важно следующее. При изучении того или иного объекта у нас два возможных пути движения: объяснение особенностей объекта мы ищем либо в его материале, исследуя его состав и строение, либо в особенностях той целостности, того универсума, в рамках которого данный объект существует. Эйнштейн впервые в истории естествознания выбирает второй путь. Это революция! Но на тот же путь, правда, робко и нерешительно вступает и социология. Эйнштейн, разумеется, говорит о физическом пространстве-времени, а социолог – о пространстве социальном. Итак, и физика в лице общей теории относительности и гуманитарные науки избрали в настоящее время второй путь. Используя введенную выше терминологию, можно сказать, что они избрали путь топоцентризма, отказавшись от предметности. ~~Приведем то же самое замечательное рассуждение Ю.М. Лотмана из его статьи «О семиосфере». «Современная семиотика, – пишет Лотман, – переживает процесс пересмотра некоторых основных понятий»². В чем же суть этого пересмотра? У истоков семиотики лежат две научные традиции, одна из которых восходит к Пирсу и Моррису, а другая основывается на тезисах Соссюра и Пражской школы. Однако при всем отличии этих подходов в них есть одна существенная общность: за основу берется простейший, атомарный элемент, представленный в первом случае отдельным изолированным знаком, а во втором – отдельным актом коммуникации. И именно этот «атомизм» или элементаризм в настоящее время нуждается в пересмотре³. Элементаризм в семиотике изжил себя.~~

«Такой подход, – пишет Лотман, – отвечал известному правилу научного мышления: восходить от простого к сложному – и на первом этапе безусловно себя оправдал. Однако в нем таится и опасность: эвристическая целесообразность (удобство анализа) начинает восприниматься как онтологическое свойство объекта, которому приписывается структура, восходящая от простых и четко очерченных атомарных элементов к постепенному их усложнению. Сложный объект сводится к сумме простых. Пройденный за последние двадцать пять лет путь семиотических исследований позволяет на многое взглянуть иначе. Как можно теперь предположить, четкие и функционально однозначные системы в реальном функционировании не существуют сами по себе, в изолированном виде. Вычленение их обусловлено лишь эвристической необходимостью. Ни одна из них, взятая отдельно, фактически не

² Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1. Таллинн, 1992. С. 11.

³ Мне представляется, что Лотман не совсем справедлив по отношению к Соссюру. Именно Соссюр, как показано в первой главе, утверждал, что в языке отношения первичны по отношению к объектам. Какой же это элементаризм?

работоспособна. Они функционируют, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями. Такой континуум мы, по аналогии с введенным В. И. Вернадским понятием «биосфера», называем семиосферой»⁴.

Лотман, как мы видим, ссылается на Вернадского, но с таким же успехом он мог бы сослаться и на Эйнштейна. Разумеется, в обоих случаях речь может идти только о метафорах, ибо только метафорически можно говорить о социальном пространстве или сопоставлять семиосферу и биосферу.

Существуют две программы развития физики. Ч. Мизнер и Дж. Уилер в свое время сформулировали их следующим образом: «Имеются две прямо противоположные точки зрения на сущность физики: 1) Пространственно-временной континуум служит лишь *ареной* проявления полей и частиц. Эти последние сущности чужды геометрии. Их следует добавить к геометрии для того, чтобы вообще можно было говорить о какой-либо физике. 2) В мире нет ничего, кроме пустого искривленного пространства. Материя, заряд, электромагнетизм и другие поля являются лишь проявлением искривления пространства. *Физика есть геометрия*»⁵. Казалось бы, какое до этого дело представителям гуманитарной науки?! Но в свете приведенных примеров можно только повторить: не спрашивай, по ком звонит колокол, ибо он звонит по тебе.

Что же такое социальное пространство? Выше мы говорили о физическом пространстве-времени, рассматривая его как пример природного куматоида. Но наряду с этим можно встретить и такие, например, понятия как «географическое пространство», «геологическое время», «социальное пространство» и т. п. О чем идет речь? Очевидно, что понятия такого типа возникают на базе представлений о физическом пространстве и времени, но пути их формирования принципиально различны. Первый путь – это путь конкретизации. Я, к примеру, могу говорить не только о физическом пространстве вообще, но и о пространстве моего кабинета или о пространстве Солнечной системы. Представление о физико-географическом пространстве, т.е. о пространстве, которое непосредственно связано с поверхностью Земли и происходящими на ней явлениями, возникает именно на этом пути. Другое дело – «социальное пространство». Это понятие строится не путем конкретизации физических представлений, а скорее по аналогии с ними или, точнее, по их образцу, но применительно к совсем иной области. Именно поэтому понятие «социальное пространство» несет на себе существенный оттенок метафоричности. Рассмотрим это более подробно. Говоря о физическом пространстве, мы начинали с понятия «место». Есть ли что-либо подобное в мире социальных явлений? Нетрудно обнаружить, что есть. Это социальные места или социальные роли, которые определяются нашими функциями в составе социального целого или, точнее, теми программами, которые мы в составе этого целого реализуем. Быть студентом, деканом факультета, ректором университета – это значит занимать определенные социальные места.

⁴ Там же. С. 11-12.

⁵ Уилер Дж. Гравитация, нейтрино и вселенная. М., 1962. С. 218.

Строго говоря, занимать место в социальном пространстве могут и различные материальные предметы, если их характеристики, способы употребления социально запрограммированы. Каждое такое место обладает всеми признаками куматоида: оно допускает полную смену материала, сохраняя при этом соответствующие социальные программы в качестве инварианта. Мы постоянно «перемещаемся» в социальном пространстве, «переходя» с одного места на другое, от одной роли к другой. Это могут быть как карьерные перемещения, занимающие иногда много времени, так и каждодневные, постоянно повторяющиеся акции смены ролей. Утром, например, выходя на работу, мы превращаемся в уличных пешеходов, играя тем самым определенную социальную роль и вступая в соответствующие отношения с другими пешеходами, милицией, водителями транспорта. Позднее мы становимся пассажирами метро или автобуса, студентами, преподавателями, бизнесменами, продавцами магазинов..., потом превращаемся в покупателей, в читателей той или иной газеты, в зрителей у экрана телевизора. Важно подчеркнуть, что подобные «перемещения» в социальном пространстве отнюдь не всегда и не обязательно связаны с перемещением в пространстве физическом. Так, например, совсем не исключено, что читатель газеты, просто сняв телефонную трубку, может превратиться в ректора университета или в одного из поклонников его секретарши.

Означает ли последнее, что социальное пространство никак не связано с пространством физическим? Нет, не означает, ибо, вообще говоря, социальные программы не безразличны к тем физическим условиям, в которых они реализуются. Так, например, в самом конце 1950-х–начале 1960-х годов на первых этапах формирования Сибирского отделения Академии Наук в Новосибирске целый институт мог располагаться в одной комнате или в квартире жилого дома, и это создавало условия для тесных контактов и общения ученых всех рангов, от академика до младшего научного сотрудника. Иными словами, теснота чисто физического характера приводила к разрушению социального дистанцирования. Но вот выросли здания институтов, появились кабинеты, приемные, и директор стал уже почти недоступен для рядового сотрудника, служебная иерархия получила возможность реализовать себя в полном объеме, что приведенный пример моделирует те явления, которые находятся в центре внимания социальной географии. Так, например, теория центральных мест Кристаллера, с одной стороны, представляет собой анализ социальных, экономических связей, существующих между населенными пунктами в рамках некоторой территории. Это анализ социального пространства, где центральное место определенного ранга, занятое тем или иным городом, напоминает место декана или ректора университета. Это особенно бросается в глаза, если рассматривать административные функции города. Но, с другой стороны, та же теория рассматривает вопрос о том, как указанные связи реализуются в конкретных условиях географического пространства. И здесь, как это знает любой географ, неоднородность последнего может существенно повлиять на реализацию социальных связей. Поэтому, если сетка Кристаллера не представлена на карте той или иной

территории, то это отнюдь не ставит под сомнение его концепцию как теорию социального пространства.

Итак, место в физическом пространстве характеризуется его координатами. Место в пространстве социальном задано программами, определяющими взаимоотношения людей. Это могут быть какие-то служебные инструкции, но, прежде всего и главным образом, это образцы поведения, т.е. социальные эстафеты. Иными словами, место в социальном «пространстве» – это социальный куматоид, это сложная социальная программа, существующая в конечном итоге в виде некоторой совокупности социальных эстафет. Мы говорим «в конечном итоге», ибо письменный или устный текст, с помощью которого мы можем зафиксировать эту программу, сам в свою очередь предполагает наличие эстафет речевой деятельности. Между местом в пространстве социальном и в пространстве физическом есть достаточно глубокая аналогия, ибо, как уже отмечалось, место в физическом пространстве – это тоже куматоид (разумеется, не социальный): одно и то же место могут занимать разные тела, сменяя друг друга, но сохраняя в качестве инварианта координаты этого места, что тоже существенно определяет взаимоотношения этих тел.

Но продолжим дальше наши сопоставления с общей теорией относительности. Мы, разумеется, вовсе не собираемся полностью идентифицировать проблемы физики и социальных дисциплин или тем более отождествлять человека с некоторым телом, обладающим гравитационной массой. Нам важно подчеркнуть, однако, некоторую аналогию, которая может иметь эвристическое значение. Как мы уже сказали, Эйнштейн объясняет гравитацию кривизной пространства-времени. Свободные тела без воздействия сил движутся в этом пространстве по инерции, но не по прямым, как в евклидовом пространстве, а по геодезическим, что и создает иллюзию наличия сил. В популярной литературе это обычно иллюстрируют следующим образом. Представьте себе, что вы двумерные существа, подобные теням, и что живете вы на поверхности сферы. Третьего измерения для вас вообще не существует. Передвигаясь в вашем двумерном пространстве и производя измерения, вы обнаружите, что ваше пространство неевклидово, так как окажется, что сумма углов треугольника больше 180° . Свободные тела в этом пространстве будут двигаться по геодезическим, которые на глобусе представлены меридианами (но не широтами). Можно обобщить сказанное на четырехмерное пространство-время, которое и фигурирует в общей теории относительности. Введение четвертого измерения имеет принципиальное значение. В нашем привычном трехмерном пространстве траектории пули и брошенного камня будут иметь разную кривизну, но в четырехмерном пространстве времени кривизна их траекторий будет одного порядка. Они будут двигаться по геодезическим. Общая теория относительности достаточно сложная теория, но для нас в данном случае важно следующее: силы гравитации – это, как и силы инерции, мнимые силы. Эйнштейну удалось построить такую теорию гравитации, «в которой поле тяготения как таковое

вообще не существует»⁶. «Пафос Максвелла – поля, пафос Эйнштейна – отказ от какого-либо поля!»⁷ Но как и почему искривляется пространство? Его кривизна зависит от наличия материи. «Пространство воздействует на материю, “указывая” ей, как двигаться. Материя в свою очередь оказывает обратное действие на пространство, “указывая” ему, как искривляться»⁸. Но нечто подобное имеет место и в нашей модели. «Пространство» социальных эстафет определяет поведение людей, занимающих те или иные социальные места, а поведение этих людей в свою очередь, выступая в функции образцов, задает «пространство» эстафет. При этом, что важно, в гуманитарных науках и вообще в науках об обществе постоянно возникает возможность появления мнимых связей, мнимых сил, аналогичных силам инерции или гравитации. Рассмотрим это более подробно.

Реальные и мнимые связи

1. Общественные отношения и семантический треугольник

Что собой представляют так называемые общественные отношения, например, отношения собственности? Мы говорим, что человеку принадлежит данная машина или данный кусок земли. Существует ли какая-либо связь между человеком и принадлежащим ему предметом? Строго говоря, никакой связи нет, если только не говорить о каких-то физических связях. Отношения собственности закреплены либо на уровне традиции, либо на уровне юридических документов. Иными словами, отношения собственности – это некоторая социальная программа, существующая в конечном итоге на уровне социальных эстафет. Связь человека с предметом в данном случае – это мнимая связь, подлинная связь – это связь человека с социумом, связь воспроизведения образцов поведения. Именно эта эстафетная связь лежит в основе всех явлений социальной жизни. Представьте себе бой двух боксеров или схватку борцов. Казалось бы, это чисто физическое силовое взаимодействие, но ведь оно тоже социально занормировано, оно реализуется по некоторым образцам, ибо в противном случае не было бы ~~боя и борьбы~~ боя и борьбы. К семиотике и к конкретному примеру, частично уже разобранным выше, к так называемому семантическому треугольнику. Его парадоксальность не случайна, ибо, если знак – это социальный куматонд, то его строение надо искать не в мире отношений вещей типа имени и денотата, а в мире социальных эстафет. Описание знака по схеме Фреге – это фиксация мнимых связей, подобных связям актеров на сцене. Никто не сомневается в том, что актер, исполняющий роль Отелло, ревнует Дездемону не сам по себе, а потому, что так требует пьеса, т.е. некоторая социальная программа. Но в такой же степени имя и денотат тоже «играют» свои роли в рамках «пьесы», именуемой языком. Соссюровская проблема субстанции возникает только потому, что мы рассматриваем мнимые связи, не видя связей подлинных. Это феномен неполноты выделения системы. Подлинные связи – это связи воспроизведения социальных образцов. Связь

⁶ Зельдович Я.Б. Хлопов М.Ю. Драма идей в познании природы. М., 1988. С. 148.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Мизнер Ч., Торн К., Уилер Дж. Гравитация. Т.1. М., 1977. С. 31-32.

обозначающего и обозначаемого не произвольна, но она обусловлена не материалом имени или денотата, а тем, что эти предметы попали в сферу действия определенной социальной «волны». Но именно эта «волна» и выпала из поля зрения Соссюра. Выражаясь более точно, он, конечно же, понимал, что «язык представляет собой традицию»⁹, но детальное исследование этого вопроса уводило бы его далеко в сторону от лингвистики как таковой, за пределы ее уже сложившегося предмета исследования.

2. Природа идеального

С неполнотой выделения системы связана и проблема идеального. Часто говорят, что герои литературного произведения, например, герои Толстого, существуют идеально, в некотором идеальном мире. А что такое идеальное, каков способ его бытия, где и как оно существует? Нельзя ли это рассмотреть в свете концепции социальных эстафет?

До нас дошла старая легенда, повествующая о соревновании двух живописцев. Оба выставили свои полотна на суд авторитетного жюри. Когда первый отдернул занавес, все увидели, что на картине изображены гроздья винограда, и птицы сразу стали слетаться, чтобы клевать ягоды. Судьи были восхищены мастерством художника, достигшего такого сходства с реальностью. «Теперь вы откройте свою картину», – попросили они второго мастера. «А она открыта!» – ответил тот, и сразу стало ясно, что на картине изображен занавес. Согласно легенде, победу одержал второй художник, ибо если первый ввел в заблуждение птиц, то второй – самих судей.

Легенда интересна, ибо наталкивает нас на следующий вопрос: а действительно ли картина должна обманывать зрителя? Вероятно, нет. Пока судьи видели занавес, они просто не видели картины, ее для них не существовало. А когда они увидели картину, исчез занавес. Исчез ли? Говорят, что он исчез как некоторая материальная реальность, но остался идеально в пространстве картины. Этот занавес нельзя пощупать, нельзя отдернуть, с ним нельзя оперировать как с реальным занавесом, но в то же время мы его видим и любим его тяжелыми складками. Легенда позволяет выделить три разных позиции, которые можно занимать по отношению к картине. Во-первых, можно отождествлять изображение с реальным объектом. В этом случае для нас не существует никакой картины. Во-вторых, можно не видеть изображение, но видеть холст, покрытый пятнами краски. Картина в этом случае тоже отсутствует. Она возникает только в рамках третьей позиции, когда зритель соединяет, казалось бы, несоединимое. Он понимает, что перед ним размалеванный холст, но любит гроздьями винограда или складками занавеса. Рассмотрим более детально эту третью позицию, ибо здесь как раз и возникает феномен идеального.

Итак, мы понимаем, что перед нами холст и краски, но видим нечто другое, чего на самом деле нет. Имея перед собой определённый предмет с конкретными свойствами, мы относимся к нему так, точно у него есть и совсем другие, отсутствующие на самом деле свойства. Как это возможно? За счет чего возникает столь парадоксальная ситуация?

⁹ Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. С. 67.

Для большей общности приведем еще один пример, который к тому же в интересующем нас плане является и более прозрачным. Представим себе фигуры на шахматной доске. С одной стороны, это самые обыкновенные деревяшки причудливой формы, но с другой, вдруг оказывается, что они должны занимать на доске строго определенное положение и перемещаться строго определенным образом. Мы при этом хорошо понимаем, что имеем дело с деревянными фигурками и что перемещать их можно многими произвольными способами. Их можно, например, катать по доске, можно встряхивать и бросать, как игральные кости... Но тогда это уже не будут шахматные фигуры. Подбрасывать можно деревяшку, но не ферзя. В такой же степени можно свернуть в трубку картину с изображением горного озера, но мы сворачиваем при этом холст, но не озеро. Ферзь на шахматной доске и озеро на картине очень напоминают друг друга. Но ферзь задан правилами игры, и именно эти условные правила делают обыкновенную деревяшку важным участником шахматного сражения. Спрашивается, а не существует ли аналогичных «правил», определяющих наше восприятие картины?

Разумеется, существуют, но в отличие от шахматной игры они нигде четко не сформулированы, хотя мы с раннего детства учим ребенка рисовать и понимать различные изображения. Эти «правила», существующие в основном в виде образцов, как раз и порождают феномен идеального. Суть в том, что эти «правила» не связаны с материалом картины, они не являются ее атрибутами. Отсутствие атрибутивности и осознается как нечто не материальное, т.е. идеальное. Иными словами, восприятие картины требует понимания языка живописи, который, кстати, может быть и очень условным, а усвоение языка – это воспроизведение существующих вокруг нас образцов поведения других людей. Ничего «идеального» здесь нет, оно ускользает от нашего анализа, как некая бесплотная тень. Крестьянин старой русской деревни верил, что у него в хате живет домовый. Что значит верил? Он общался с ним, разговаривал, вел себя соответствующим образом... Казалось бы, вот типичный случай: домового в действительности нет, но он существует идеально, иначе как объяснить поведение крестьянина? Ничуть не бывало! Перед нами обычное явление рассмотренного типа, когда поведение человека не может быть однозначно выведено из ситуации, но определяется социальной наследственностью, традицией, т.е. в конечном итоге социальными эстафетными идеальными объектами открыл Платон более двух тысяч лет тому назад. И это было великое открытие. Об этих идеальных объектах мы постоянно говорим до сих пор, как только речь заходит об анализе или об интерпретации наших знаний, как в науке, так и в других сферах культуры. Мы не можем обойтись без этих идеальных объектов, чем и определяется величие сделанного в свое время открытия. Что же открыл Платон, если говорить об этом более конкретно? Он обнаружил, например, что при доказательстве теоремы геометр делает чертеж, но говорит вовсе не о том, что он начертил, а о чем-то другом. Вот как это звучит в «Государстве»: «Но ведь когда они вдобавок пользуются чертежами и делают отсюда выводы, их мысль обращена не на чертеж, а на те фигуры, подобием которых он служит. Выводы свои они делают

только для четырехугольника самого по себе и его диагонали, а не для той диагонали, которую они начертили»¹⁰.

И действительно, представьте себе древнегреческого геометра, который, доказывая теорему, чертит что-то на песке или на восковой дощечке, и никто при этом не придирается к качеству чертежа и не говорит, что изображенный квадрат – это вовсе не квадрат, ибо стороны его не равны, а углы не прямые... Да и не нужно углубляться в такую древность, ибо нечто подобное мы наблюдаем и сейчас, как в школе, так и в ВУЗе. Почему же никто не возражает? Да потому, что всем интуитивно ясно, что операции с чертежом на доске осуществляются по некоторым правилам, никак не связанным с качеством изображения. Это примерно то же самое, как и передвижение шахматных фигурок по доске. Понятие идеального – это следствие неполноты выделения изучаемого объекта, это осознание той «тени», которую мир эстафет отбрасывает на все окружающие нас предметы.

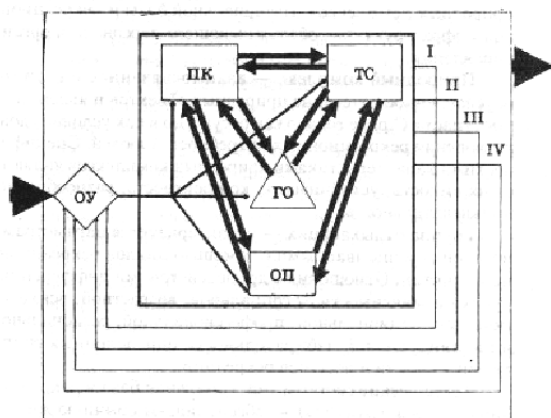
Означает ли сказанное, что понятие идеального не имеет смысла? Нет, конечно. Далеко не всегда рационально рассматривать ту или иную систему в целом, учитывая все многообразие взаимосвязей. Но за неполноту выделения всегда приходится платить и, в частности, понятиями, подобными понятию идеального. Идеальное в этом плане очень напоминает силы инерции. Представим себе закрытый вагон, который движется равномерно и прямолинейно. На полу вагона лежит бильярдный шар. Допустим теперь, что мы начинаем тормозить, прикладывая каким-либо образом к вагону силу, например, прижимая к колесам тормозные колодки. Вагон замедляет свое движение, а бильярдный шар, продолжая двигаться равномерно и прямолинейно, приобретает ускорение относительно стенок вагона. Так выглядит все с точки зрения внешнего наблюдателя, выделяющего всю систему взаимодействий. Ему, в частности, очевидно, что на шар не действует никакая сила, сила действует на вагон.

Совсем иная ситуация складывается для наблюдателя внутри вагона. Он вообще не знает, движется вагон или покоится, но вдруг начинает замечать, что все вещи в вагоне приобретают ускорение. Ускорение можно объяснить только наличием силы, но окружающие его вещи ни с чем не взаимодействуют, что явно противоречит третьему закону Ньютона. И тогда внутренний наблюдатель вводит представление об особых силах, о силах инерции, которые являются фиктивными, но позволяют ему понимать происходящее, не выходя за пределы вагона. Фиктивные силы – это плата за неполноту выделения системы.

Также и понятие идеального. Ограничив себя рассмотрением отношения «человек – вещь» или «объект – субъект», мы как бы попадаем в закрытый вагон, но сразу обнаруживаем, что в рамках выделенного таким образом мира мы далеко не все можем объяснить. И тогда мы вводим особые «идеальные силы», которые в действительности есть лишь проявление реальных социальных сил. Специальный детальный анализ этих последних далеко не всегда оправдан, ибо представляет собой особую и чаще всего достаточно сложную задачу. Не всегда поэтому рационально «выходить из вагона».

¹⁰ Платон. Соч. в трех томах. Т.3. ч.1. М., 1971. С. 318.

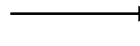
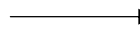
3. Мнимые связи в социальной географии

Нам представляется, что сказанное имеет значение и далеко за пределами семиотики и эпистемологии. Обратимся к социальной географии, где широко распространены так называемые системные представления. Рассмотрим конкретный и достаточно красноречивый пример. Вот как выглядит «базисная модель рекреационной системы», приведенная в «Толковом словаре туристических терминов»¹¹. Здесь ГО – группа отдыхающих; ПК – природный комплекс; ТС –

технические системы (материальная база туризма и рекреационная инфраструктура); ОУ – орган управления; ОП – обслуживающий персонал.

Бросается в глаза колоссальная неоднородность этой системы: здесь и люди, и природные комплексы, и технические системы. Как это все можно объединить, какие связи здесь существуют? Расшифруем содержание стрелок на приведенной схеме.

- – это внешние связи системы;
- – связи между подсистемами;
- – команды управления;
- – информация о состоянии подсистем

Сразу возникает много вопросов. Как, например, органы управления могут подавать команды природному комплексу или техническим системам? Строго говоря, команды мы можем подавать только самим себе или другим людям. В настоящее время мы используем это понятие и применительно к компьютеру, но маловероятно, что под техническими системами на данной схеме имеются в виду компьютеры или роботы. Авторы схемы предполагают, вероятно, наличие таких групп людей, которые как-то преобразуют или охраняют природные комплексы и оперируют с техническими системами. Скорей всего, это то, что выделено как обслуживающий персонал. Но в таком случае ОУ могут быть связаны только с ОП или с ГО и ни с чем больше. Командные связи органов управления с природным комплексом и техническими системами – это миф.

Но перейдем к связям между подсистемами. Очевидно, что связи между ПК и ТС, с одной стороны, и обслуживающим персоналом, с другой, – это связи человека с объектом его деятельности. Это примерно такая же связь, как связь плотника с топором и бревном. Странно, что такой связи нет между обслуживающим персоналом и группой отдыхающих. Неужели ОП не включает в свой состав поваров,

¹¹ Зорин И. Квартальнов В. Толковый словарь туристических терминов. Москва-Афины, 1994. С. 209.

проводников, врачей? Но возникает и другой вопрос: а что собой представляют во всех этих случаях обратные связи? Да, плотник оперирует с топором и бревном, он включает их в некоторое механическое взаимодействие, которое уже не входит в сферу изучения социальных наук. Но как при этом бревно воздействует на плотника? В рамках социальных дисциплин нас может интересовать следующее: плотник после каждого удара по бревну должен оценить ситуацию и определить, добился он желаемого или нет. Но это уже информационные или когнитивные связи, которые обозначены на схеме другими стрелками.

И, наконец, – что собой представляют связи между природными комплексами и техническими системами? Есть ли связь между бревном и топором, независимо от программ человеческой деятельности? Разумеется, нет. Но в такой же степени нет никаких связей и между окружающей природой и котельной, которая отапливает пансионат, если эта котельная и пансионат не функционируют. Строго говоря, только программы человеческой деятельности делают окружающие объекты пансионатами, котельными, техническими устройствами, зонами отдыха. Без этих программ здание пансионата – это просто грудка кирпичей, расположение которых не имеет решительно никакого значения. Короче говоря, объекты, выделенные на схеме, не существуют без указанных связей, а связи – заданы программами человеческой деятельности.

Все указанные трудности и вопросы могут быть легко устранены, если мы поймем, что рекреационная система, как и все социальные образования подобного типа, – это куматоиды. Исчезает при этом и указанная неоднородность системы, ибо любой куматоид – это совокупность постоянно реализуемых и взаимодействующих друг с другом социальных программ. Никаких других элементов там просто нет. А как же быть тогда с техническими системами, природными комплексами и прочими вещественными образованиями, которые заполняют территорию? Они что исчезли, аннигилировали? Ни в коем случае! Секрет очень прост: все эти вещественные образования образуют ту среду, на которой живет куматоид, и только благодаря куматоиду они приобретают свои функциональные характеристики, превращаясь в зоны отдыха, технические сооружения, заповедники, государства и прочее. Можно ли сказать, что волна, бегущая по поверхности водоема, состоит из волны самой по себе и воды? Согласитесь, это было бы довольно странное утверждение. Да, волна – это определенное возмущение среды, да, среда влияет на «жизнь» волны, но срабатывают ли здесь традиционные системные представления? А ведь социальные куматоиды в этом отношении очень напоминают волну. И не следует ли в рамках географии пересмотреть все базовые категориальные представления в свете волновой онтологии? Вероятно, да, но это, разумеется, не задача данной работы. Мы выведем сравнение еще раз по аналогии с этим примером. Представьте себе, что вы сидите за столом и пьете чай. На столе чашки, блюдца, ложки, чайник, сахарница... Можно ли сказать, что эти предметы на столе сами по себе образуют систему? Разве между ними существуют какие-либо связи, кроме гравитационных? Было бы, поэтому, ошибкой говорить, что блюдце связано с чашкой, а чашка с

чайником, и рисовать какие-либо стрелки. Да, мы ставим чашку на блюдце, наливаем чай, кладем сахар... Но все это есть реализация определенной социальной программы, определенной традиции. Кажущиеся связи предметов на столе – это мнимые связи, реальные связи кроются в механизмах эстафет. Тот факт, что мы действуем с указанными предметами именно так, а не иначе, записано в социальной памяти. Разумеется, все эти предметы должны обладать определенными свойствами, так как не совсем удобно кипятить чай в чашке или в ложке, и уж никак нельзя размешивать сахар чайником. Однако это не исключает потенциального множества самых различных применений этих предметов в рамках других программ.

Все это не выявлено на приведенном выше системном изображении рекреационной системы, не выявлено, но потенциально присутствует. Географы, строго говоря, уже давно изучают социальные программы, но часто тщательно это «скрывают» как от других, так и от самих себя. Они даже фиксируют их содержание, но довольно своеобразным способом. Вернемся к нашему примеру с чаепитием. Предположим, что мы все же изобразили на схеме все предметы, расположенные на столе и связали их стрелками. Будем их, как и в рассмотренном выше случае, именовать «связями между подсистемами». После этого введем фигуру «управляющего», в роли которого будет выступать группа людей, пьющих чай. На схеме, естественно, возникнут и «команды управления», и «информация о состоянии подсистем». Забавно, что на полученной схеме не зафиксирована в явном виде программа, в рамках которой действует наш «управляющий», но если мы попросим теперь расшифровать наши стрелки, то получим изложение содержания этой программы. Попробуйте сами и убедитесь.

Понимающий и объясняющий подход

1. Два подхода к описанию эстафет

Описание любой эстафеты предполагает, во-первых, характеристику ее содержания и, во-вторых, – характеристику ее строения или структуры. Содержание – это то, что передается от участника к участнику. Иначе говоря, описание содержания – это описание определенных актов поведения или деятельности. Такое описание может иметь конкретный или абстрактный характер, оно может фиксировать только самые принципиальные характеристики деятельности или вдаваться в детали – во всех этих случаях мы будем говорить о характеристике содержания. Иными словами, описывая содержание, мы исследуем образцы. В отличие от этого, описание строения или структуры – это анализ тех связей или отношений, которые имеют место в рамках эстафеты или между разными эстафетами, т.е. описание эстафетных структур. Описание содержания образцов мы будем называть понимающим подходом, выявление соответствующих эстафетных структур – подходом объясняющим. Рассмотрим простейший случай: некто **А** осуществляет акцию Δ' , которую **Б** рассматривает как образец и воспроизводит в виде Δ'' . Конкретизируя, что собой представляют Δ' или Δ'' , мы реализуем понимающий подход, утверждая, что **Б** действует по образцу **А**, – подход объясняющий. Здесь все примитивно просто. Однако, как мы уже отмечали, эстафеты не существуют изолированно вне контекста других

эстафет. Только контекст придает им относительную стационарность. Поэтому объясняющий подход – это всегда анализ некоторых достаточно сложных эстафетных структур.

Если, например, мы говорим, что именем «Вальтер Скотт» называют шотландского писателя, написавшего роман «Айвенго», то в простейшем случае мы описываем некоторую практику использования данного имени, т.е. некоторые образцы. Могут сказать, что мы используем это имя не по образцам, а в соответствии со словесными инструкциями, которые можно найти в любом энциклопедическом словаре. Это так. Но в таком случае сами эти инструкции представляют собой в конечном итоге описание образцов словоупотребления. Объясняющий подход связан с решением задач, которые представляются мне гораздо более сложными. Мы должны ответить на вопрос: в рамках какой эстафетной структуры воспроизводится данный образец, в рамках какой структуры он воспринимается именно как акт именованья?

Представьте, например, такую ситуацию, которую автор лично наблюдал. В дом входит пожилая женщина, и ей навстречу поднимается большая собака. «Фу! – говорит хозяин. – На место!» «Какое странное имя – Фу», – удивляется женщина. Очевидно, что команду «фу» она раньше не слышала и в приведенном контексте приняла ее за имя собаки. Каков же должен быть контекст словоупотребления, какие образцы надо продемонстрировать, чтобы женщине стало ясно, что речь идет о команде, а не об имени? Можно, конечно, просто сказать, что «фу» – это не имя. Но разве относительно огромного количества слов нашего языка нам что-то подобное говорили? Очевидно, что нет.

Какова же та эстафетная структура, которая управляет воспроизведением данного образца именно как образца именованья. Она не проста. Можно ли, например, сказать, что для этого нам достаточно простого остенсивного определения, т.е. определения через указание? Вспомните рассуждения Л. Витгенштейна по этому поводу. Если я указал на некоторого человека и произнес слово Петр, то откуда вы знаете, что я назвал собственное имя этого человека, а не его национальность или специальность, не цвет его рубашки и т.д.? Конечно, как мы уже показали, здесь имеет место конкуренция со стороны других образцов, ибо национальность, специальность и прочее обозначаются другими словами. Но плюс к этому мы воспринимаем ситуацию в свете множества других образцов использования собственных имен. При этом в качестве образцов фигурируют не отдельные акты именованья, а их постоянное воспроизведение применительно к тому или другому человеку. Мы же понимаем, что есть разница между использованием таких ситуативных характеристик, как «улыбается», «работает», «спит», и использованием собственных имен. Это не дано в отдельных актах именованья. Это означает, что в данном случае некоторая эстафета использования нового имени строится по образцу других функционально эквивалентных эстафет. В качестве образца выступает не отдельный акт именованья, а образцы воспроизведения этого акта. В свете предыдущей главы мы должны сказать, что имеем здесь эстафету, живущую в пространстве других эстафет и зазеркальем. Описание того, что отражено в зеркале, – это аналог понимающего подхода, а объясняющий подход – это выяснение того, как зеркало устроено. В одном и том же

зеркале могут отражаться разные предметы; иными словами, устройство инвариантно относительно смены содержания зазеркалья. В такой же степени в некоторых пределах разное содержание может транслироваться в рамках одной и той же эстафетной структуры. Например, использование разных собственных имен предполагает одну и ту же эстафетную структуру. В одном случае мы называем ребенка Петром, в другом – Иваном, нет оснований предполагать, что при этом меняются связи эстафет, в рамках которых мы действуем.

Как известно, существуют разные формы объяснения. Можно, например, объясняя некоторое явление, сослаться на его происхождение, на механизмы его возникновения. Это генетическое объяснение. Примером могут служить гипотезы о происхождении солнечной системы. Можно, объясняя те или иные особенности явления, анализировать его строение, его структуру. Так, например, мы поступаем, объясняя правильную геометрическую форму кристаллов. Генетическое объяснение в гуманитарных науках обычно связано с выявлением исторических традиций. Анализ эстафетных структур фактически отсутствует. Для иллюстрации вернемся к работам В.Я. Проппа. Его «Морфология сказки» представляет собой описание сказки как образца, на который опирается рассказчик. Неслучайно Пропп отмечал, что, исходя из его схемы, «можно самому сочинять бесконечное количество сказок, которые все будут строиться по тем же законам, что и народная»¹². Иными словами, в указанной работе Пропп реализует понимающий подход, он анализирует зазеркалье. Другая работа Проппа – «Исторические корни волшебной сказки» – это пример объясняющего подхода, но здесь речь идет не об эстафетных структурах, а о традиции. Можно ли тогда говорить, что Пропп вскрыл морфологию сказки? еще на одном способе объяснения. Иногда мы объясняем тот или иной способ действия его целесообразностью. Не наличием тех или иных образцов или традиций, а стремлением к получению определенного результата. Это может иметь место при описании как исторических событий, так и технологических процессов. Возьмем простейший пример: «мы консервируем продукты, ибо иначе они испортятся». Можно ли сказать, что в данном случае мы реализуем объясняющий подход при изучении деятельности в указанном выше понимании? Ни в коем случае. Речь опять-таки идет об описании содержания образцов. Любая деятельность предполагает наличие цели, ибо в противном случае она просто не является деятельностью. Но отдельно взятый образец поведения может быть реализован в условиях разных целевых установок. Два научных работника ставят один и тот же эксперимент, но один заинтересован в решении какой-то проблемы, а для другого на первом месте защита диссертации. Два абитуриента сдают вступительные экзамены в Университет, но один хочет посвятить себя научной работе, а другой – избежать призыва в армию. Но целевая установка может быть выявлена только в рамках некоторой эстафетной структуры, которая задает образцы использования продуктов одного акта в качестве условий реализации другого. Речь идет о сопряженности. Иными словами, мы имеем здесь дело с цепочками актов, выступающих

¹² Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 145.

в качестве образцов. Телеологические объяснения и представляют собой вербализацию сложных образцов такого типа.

2. Анализ сложных семиотических объектов

Мы пока говорили в основном об эстафетах и о таких сравнительно простых семиотических объектах, как знак. Разумеется, при переходе к научным теориям или литературным произведениям ситуация сильно усложняется. Что здесь следует рассматривать в качестве понимающего подхода, содержание каких образцов надо описывать? Можно предложить несколько вариантов.

Рассмотрим это на примере произведений литературы. Во-первых, любое такое произведение можно, как и волшебную сказку, рассматривать в качестве образца для написания аналогичных произведений. В 1870 году один из крупнейших наших литературоведов А.Н. Веселовский прочитал в С.-Петербургском университете вступительную лекцию в курсе истории всеобщей литературы. Ратуя за сравнительный метод в литературоведении, Веселовский писал: «...Нет повести или романа, которых положения не напомнили бы нам подобные же, встреченные нами при другом случае, может быть, несколько переиначенные и с другими именами. Интриги, находящиеся в обращении у романистов, сводятся к небольшому числу, которое легко свести к еще меньшему числу более общих типов: сцены любви и ненависти, борьбы и преследования встречаются нам однообразно в романе и новелле, в легенде и сказке или, лучше сказать, однообразно провожают нас от мифической сказки к новелле и легенде и доводят до современного романа»¹³. Если акцентировать внимание на этой повторяемости, то понимающий подход к произведению будет напоминать анализ «любимого произведения». Произведение является продуктом деятельности художника, и понимающий подход может состоять в описании именно этой деятельности, реальной или воображаемой, в качестве образца для воспроизведения. Я говорю «воображаемой», ибо чаще всего деятельность реконструируется по продукту, т.е. анализируя уже готовое произведение, мы пытаемся сформулировать те правила или принципы, которыми якобы руководствовался художник. Это примерно так, как если бы мы, имея готовый сосуд, попытались бы восстановить технологию его изготовления. Такого рода задачи приходится решать археологу. Иногда это очень трудно сделать, как, например, в случае египетских пирамид. Думаю, что при анализе литературного произведения мы сталкиваемся с задачей, по крайней мере, не менее сложной. И если нам говорят, что писатель использовал те или иные приемы или методы для воздействия на читателя, то всегда следует отдавать себе отчет в том, что, скорее всего, это придумал сам исследователь, анализируя произведение. Неслучайно же говорят, что все знают, как сделан «Дон Кихот», но никто не знает, как его сделать. У нас есть образец продукта, которого не было у Сервантеса. Мы реконструируем его методы именно по этому продукту, а он действовал, вероятно, в рамках совсем других образцов.

¹³ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 40.

В-третьих, литературное произведение, как и любой продукт, не только создается, но и используется. Понимающий подход может поэтому состоять в описании того, как читатель использует или должен использовать литературное произведение, т.е. в задании образцов использования. Писатель описывает поведение своих героев в тех или иных конкретных жизненных ситуациях, задавая фактически образцы такого поведения. Не секрет, что читатель сплошь и рядом начинает воспроизводить эти образцы. Ю.М. Лотман, например, пишет, что в произведениях Рылеева «Наталия Долгорукова» и «Войнаровский» «был создан стереотип поведения женщины-героини», которому и следовали жены декабристов¹⁴. Описание этих образцов, этих заданных стереотипов и может представлять собой понимающий подход к произведению. Здесь, однако, нам нужны дополнительные разъяснения. Постойте, может возразить читатель, эти же образцы уже описаны художником! Дело в том, что возможны разные уровни описания. Можно опять-таки провести некоторую аналогию с естествознанием или математикой. В египетских математических папирусах мы сталкиваемся с образцами решенных задач, но там нет правил их решения. Приведены конкретные численные условия, конкретные вычисления, их результат и ничего больше. Читатель еще должен понять, что его задача подобна той, которая приведена в папирусе, и суметь провести аналогичные вычисления. Уже современный школьник опирается не только на такие образцы, но и на правила. Он, например, знает, что площадь треугольника равна половине произведения основания на высоту. Настоящий художник не диктует нам никаких правил, не строит обобщений, не дает оценок, он описывает поведение героев во всей их конкретности. Такое описание, как и непосредственный образец, не задает четкого множества возможных реализаций. Оно допускает разные интерпретации. Понимающий подход состоит в рационализации этого образца, в его более или менее однозначной, но абстрактной формулировке. Известно, что одно и то же произведение различным образом истолковывается в разные исторические эпохи или различными режиссерами, если речь идет о театральных постановках или кино.

Речь, разумеется, вовсе не обязательно идет о подражании героям того или иного произведения. Писатель описывает определенную конкретную жизненную ситуацию, которая может стать репрезентатором, моделью при анализе окружающей читателя действительности. Мы при этом не воспроизводим образцы, а распознаем в реальной жизни описанные ситуации. Они становятся средством познания, средством нашей ориентации в сложном мире человеческих характеров и отношений. Это напоминает диагностику болезней или распознавание растений, животных или грибов. Но одно дело, если вам просто показали гриб или цветок, а другое, если перечислили его признаки, район произрастания и т.д. Нечто подобное происходит и при понимающем подходе к литературному произведению. Вспомните, например, с детства знакомую статью Добролюбова «Что такое обломовщина».

Итак, литературное произведение представляет собой, с одной стороны, образец рассказа в соответствии с которым можно строить

¹⁴ Лотман М.Ю. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 316.

другие рассказы, с другой, – продукт некоторой деятельности которая предполагала наличие определенных образцов, и, наконец, оно как-то используется читателем, и, в частности, задает образцы поведения или жизненных ситуаций. Понимающий подход предполагает содержательное описание всех указанных образцов. Что касается объясняющего подхода, то он должен быть направлен на выявление тех эстафетных структур, которые определяли деятельность автора и восприятие читателя.

3. Подход понимающий и феноменологический

Вернемся опять к нашим аналогиям с физикой. Обратим внимание на следующее: если гуманитарии противопоставляют объясняющий подход понимающему, то в физике он издавна противопоставляется феноменологическому описанию¹⁵, т.е. внешнему описанию поведения физической системы без анализа его механизмов. Вот пример такого противопоставления: «Существуют два метода изучения состояний макроскопических систем – *термодинамический и статистический*. *Термодинамический метод* не опирается ни на какие модельные представления об атомно-молекулярной структуре вещества и является по своей сути методом феноменологическим. Это значит, что задачей термодинамического метода является установление связей между непосредственно наблюдаемыми (измеряемыми в макроскопических опытах) величинами, такими, как давление, объем, температура, концентрация раствора, напряженность электрического или магнитного поля, световой поток и т.д. Наоборот, никакие величины, связанные с атомно-молекулярной структурой вещества (размеры атома или молекулы, их массы, количество и т.д.) не входят в рассмотрение при термодинамическом подходе к решению задач»¹⁶. Итак, феноменологический метод, или подход, – это описание некоторой наблюдаемой картины без попытки объяснить происходящее. Напротив, объяснение – скажем, поведения газа – предполагает построение атомно-молекулярных моделей, представлений о «черном» и «белом» ящиках. Представьте себе ящик, имеющий вход и выход и способный как-то преобразовывать входные воздействия в выходные. Мы при этом не открываем ящик и не имеем представления о том, как он устроен. Единственное, что мы можем, – это наблюдать входные и выходные сигналы и устанавливать связи между ними. Поступая таким образом, мы имеем дело с «черным ящиком», который и моделирует феноменологический подход. Но можно «вскрыть» ящик, сделав доступным его внутреннее устройство и объяснив таким образом, как он работает. Сделав это, мы превращаем «черный ящик» в «белый». Дело, однако, в том, что чаще всего никакого буквального вскрытия не происходит, а если и происходит, то оказывается недостаточным для описания механизма поведения системы. Механизм приходится теоретически конструировать на базе уже накопленного опыта. Неслучайно один остроумный ученый сравнил

¹⁵ Это не следует связывать с феноменологией как философской концепцией.

¹⁶ Румер Ю.Б. Рывкин М.Ш. Термодинамика, статистическая физика и кинетика. М., 1977. С. 11.

исследователя с человеком, который, сидя в концертном зале и слушая музыку, должен ответить на вопрос, как устроен рояль.

Так нельзя ли представить так называемый понимающий подход как подход феноменологический? Действительно, что мы описываем, говоря о понимании имени, если не феноменологию человеческого поведения со знаком? Именем «Вальтер Скотт», говорим мы, обозначают шотландского писателя, автора «Уэверли». Мы описываем именно феноменологию, не вдаваясь в те механизмы, которые закрепляют такое поведение. Сказанное можно естественно обобщить на все случаи понимающего подхода, на понимающий подход к пословице, к литературному произведению, к любой деятельности вообще. Вот, например, описание одной из технологий гончарного производства: «Если делается большой сосуд, то в начале гончар вытягивает на круге половину будущей емкости (до участка перехода тулова в плечико). Эту часть снимает с круга и вытягивает вторую (верхнюю) часть отдельно. Затем соединяет обе вытянутые части»¹⁷. Чем это отличается от описания способа употребления имени? Перед нами чисто феноменологическое описание: фиксируется последовательность непосредственно наблюдаемых операций, которые осуществляет гончар, если ему надо сделать большой сосуд. Можно представить все это как «черный ящик», где на входе – определенная задача, а на выходе – описанная производственная процедура. Мы при этом не объясняем, почему гончар поступает именно так, в какой форме и где он это делает, но мы описываем подход, который он реализует. И здесь мы сталкиваемся с проблемой, которую мы уже рассматривали в контексте вербализации содержания образцов, представляет собой феноменологическое описание определенного поведения или деятельности. Это, во-первых, позволяет нам сопоставить гуманитарные и естественные науки и выявить в данном случае определенный категориальный изоморфизм. Очевидно, что резкое противопоставление наук объясняющих и понимающих, с чем мы нередко сталкиваемся, не имеет под собой достаточных оснований. А во-вторых, мы получаем возможность вскрыть причину морфологического парадокса. Дело в том, что анализ структуры, строения всегда исторически был связан с задачами объяснения некоторой феноменологии. Мы исследуем устройство машины, чтобы объяснить ее функционирование, исследуем анатомию и физиологию живых организмов опять-таки для объяснения тех или иных жизненных проявлений, строим модель газа или кристалла для того, чтобы объяснить их свойства. И вот неожиданно при анализе семиотических объектов наблюдается некоторый методологический нонсенс: описание феноменологии поведения или деятельности вдруг выдается за описание строения литературного произведения. Под описанием образца, в соответствии с которым рассказывается сказка, он описывает феноменологию поведения рассказчика, а именует это морфологией сказки. Семантический треугольник – это схематическое изображение того факта, что собственное имя используется для обозначения определенного объекта (денотата), выделенного по тем или иным признакам. Но само изображение наталкивает на мысль о том, что речь идет о строении знака. Очевидно, что, излагая теорию, мы говорим об

¹⁷ Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 60.

определенных идеальных объектах, которые, образно выражаясь, являются действующими лицами теории, но если этих действующих лиц мы будем считать элементами, образующими структуру теории, то это означает, что мы пошли по стопам Проппа.

Описывая любую практическую деятельность, мы можем выделить там задачу этой деятельности, объекты или материал, с которыми мы действуем, используемые средства или приспособления, осуществляемые операции, их последовательность и промежуточные продукты. Такие описания мы находим уже у Аристотеля. В приведенном выше описании работы гончара все это присутствует. Задача – сделать большой сосуд; объект или материал – глина; средство – гончарный круг; все остальное – описание последовательности операций с указанием промежуточных продуктов. Но означает ли это, что мы выявили строение деятельности, ее структуру? В данном случае совершенно очевидно, что речь идет о феноменологическом описании. Выделенные предметы сами по себе никак не связаны, глина не взаимодействует с гончарным кругом или с человеком, если, конечно, он на нее не наступил. Только некоторая социальная программа превращает человека в гончара, глину в материал для сосуда, гончарный круг в средство производства. Материальные объекты, становясь объектами, средствами или продуктами деятельности, занимают тем самым и определенные места в социальном пространстве, которое и определяет их характеристики. Это характеристики особого типа, они несубстанциональны, их можно назвать идеальными характеристиками. Они заданы социальной программой, содержание которой мы описали, но способ бытия не выявили. Иными словами, мы остались в рамках понимающего подхода.

* * *

Сформулируем кратко основные тезисы данной главы, важные для дальнейшего изложения. 1. Описание любой эстафеты предполагает, во-первых, характеристику ее содержания и, во-вторых, – характеристику ее строения или структуры. В первом случае речь идет о содержании воспроизводимых образцов, во втором – о выявлении эстафетных структур. 2. Описание содержания образцов совпадает с феноменологическим описанием человеческого поведения или деятельности и не претендует на их объяснение. Объяснение связано с выявлением эстафетных структур. 3. В естественных науках объясняющий подход принято противопоставлять феноменологическому, в гуманитарных – понимающему. Есть все основания предполагать, что понимающий подход в гуманитарных науках – это и есть феноменологическое описание человеческого поведения или деятельности. 4. Морфологический парадокс возникает за счет того, что описание феноменологии мы пытаемся представить как анализ структуры, строения объекта. При этом неизбежно возникают мнимые связи, за которыми скрываются социальные программы. Например, фигурки на шахматной доске сами по себе никак не взаимодействуют друг с другом, их «жизнь» на шахматной доске целиком задана правилами игры.